

Материал к лекции

УДК 111.1; 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

Контекст

Игорь Евгеньевич Прись

*Институт философии НАН Беларусь
Минск, Беларусь*

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Рассматривается понятие контекста, которое наряду с понятиями реальности и нормативности является центральным понятием контекстуального реализма. Устанавливаются связи между контекстуальностью, нормативностью, концептуальностью и непредопределённостью, между понятиями контекста и релевантного (имплицитного) знания. Приводятся примеры контекстуальности, в частности, в квантовой механике. Показано, что контекстуальность – антидот против релятивизма. С точки зрения контекстуального реализма предлагается критика эпистемологического корреляционизма. Рассматривается вопрос о критериях существования/реальности.

Ключевые слова

Контекст, норма, концепт, реальность, контекстуальный реализм, квантовая механика, непредопределённость

Благодарности

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма»

Для цитирования

Прись И. Е. Контекст // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 71–103
DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

Context

Igor E. Pris

*Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus*

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

© Прись И. Е., 2024

Abstract

The concept of context is considered, which, along with the concepts of reality and normativity, is the central concept of contextual realism. The relations between contextuality, normativity, conceptuality and nonpredeterminacy, between the concepts of context and relevant (implicit) knowledge are established. Examples of contextuality are given, in particular, in quantum mechanics. It is shown that contextuality is an antidote against relativism. A critique of epistemological correlationism is offered from the point of view of contextual realism. The question of criteria of existence/reality is considered.

Keywords

context, norm, concept, reality, contextual realism, quantum mechanics, nonpredeterminacy

Acknowledgements

The reported study was partially funded by BRFFR according to the research project № Г24МС-002 «Quantum-like modeling of social and human systems and philosophy of contextual realism».

For citation

Pris I. E. Context. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 4, p. 71–103 (in Russian)
DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-4-71-103

«Принцип интенционального реализма, или, скорее, интенциональной детерминации реализма (...) по сути идентифицируется с принципом *контекста*» [Benoist, 2011, p. 73].

1. Текст и контекст

Понятие контекста – (кон)текста – предполагает наличие «текста» и «окружающих», «внешних» (по отношению к тексту) или бэкграундных условий. (Латинская приставка *con* имеет значение «с», «вместе».) Эти условия должны быть релевантными (что-то имеет значение, а что-то не имеет), что говорит о нормативности понятия «контекст». Они могут быть имплицитными или эксплицитными, могут быть эксплицитированы, но в общем случае никогда не могут быть эксплицитированы полностью: контекст – это то, что подразумевается, остаётся на заднем плане. Контекст не навязывают, не представляют; он, так сказать, сам навязывается, сам себя представляет, но в конечном итоге, в своей основе, где он просто отождествляется с реальностью как таковой, он молчалив. Поскольку контекст нормативен, а норма, как мы будем утверждать, относится к категории идеального, не дана, не являет себя (но может быть выражена в языке), контекст до конца не уловим. Сомнения всегда возможны. Но, мы будем также утверждать, контекст, в отличие от нормы, относится к категории реального. Реальность тоже не дана; дана лишь объективированная часть реальности, реальные объекты. Поэтому, как и норма, контекст не дан, но по другой причине. Вообще контекстуальность не отделима от нормативности; одно есть, так сказать, альтер эго другого.

В простейшем случае роль текста играют личные и указательные местоимения. Например, значение местоимения первого лица единственного числа «я» зависит от человека, который его употребляет: в одном «контексте» местоимение обозначает Александра, в другом Ивана, а в третьем – Анастасию. В такого рода предельных случаях мы имеем дело с хорошо определённой функ-

цией, зависящей от значений её параметров; контекст полностью эксплицируется, превращается в текст, как таковой исчезает. Нормативность контекста, как и мы, утверждает, например, Д. Андлер [Andler, 2000]. Для него это не просто хорошо определённая функция своих параметров, позволяющая однозначно (пред)сказать результат.

В общем случае можно сделать различие между смыслом (значением) слова или предложения и смыслом (значением) его употребления. Прагматический лозунг (Витгенштейна, но не только его) гласит, что смысл (значение) (слова, предложения) есть его употребление (смысл, так сказать, супервентен на употреблении). Всякое употребление корректно или нет (нормативно). В витгенштейновских терминах это языковая игра (ЯИ), то есть нормативная практика, интенциональное действие (эпистемическое или практическое). Норму (правило) ЯИ мы называем витгенштейновским правилом/нормой (в-правилом). Таким образом, смысл-употребление, или ЯИ, – употребление в-правила.

Понятия ЯИ и в-правила подразумевают свою укоренённость в опыте, реальности. Другими словами, в-правило имеет реальные условия своего объективного существования и употребления. Оно определяется набором своих парадигматических ЯИ (неотделимо от них), между которыми имеется семейное сходство – семейное сходство и есть наличие общего в-правила, эксплицитного или имплицитного – и которые в своей совокупности образуют то, что Витгенштейн называет формой жизни.

Например, в «О достоверности» (§ 139) Витгенштейн пишет [Wittgenstein, 1984]: «Um eine Praxis festzulegen, genügen nicht Regeln, sondern man braucht auch Beispiele. Unsre Regeln lassen Hintertüren offen, und die Praxis muß für sich selbst sprechen». («Чтобы установить некую практику, недостаточно правил, нужны еще и примеры. Наши правила оставляют лазейки, а практика должна говорить сама за себя»¹.) В другом переводе читаем: «Не только правила, но и примеры необходимы для установления опыта. Наши правила оставляют пустоты, а опыт должен говорить сам за себя» [Витгенштейн, 2010]. Здесь речь идёт о формулировке правила, то есть о правиле как эксплицитной (эксплицированной) норме. Понятие в-правила, вводимое нами, включает в себя как свою эксплицитную формулировку, так и примеры, то есть не оставляет «лазеек/пустот».

В-правило или набор в-правил определяют грамматику формы жизни, то есть её нормативную структуру. Грамматические предложения, в частности, наиболее общие грамматические предложения – петлевые предложения (ПП)², которые Витгенштейн рассматривает в своей работе «О достоверности», – выражают убеждения, имеющие логическую (в широком) смысле достоверность.

В этих терминах роль текста играет в-правило (грамматика), а, точнее говоря, его эксплицитная формулировка, а роль контекста – конкретные условия его применения. ЯИ как употребление в-правила контекстуальна. Смысл как употре-

¹ См.: Витгенштейн Л. О достоверности. URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=4600> (дата обращения: 31.07.2024).

² Наиболее известными примерами ПП являются «Это рука», «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» и другие. Эти предложения/убеждения имеют гибридный характер и логическую (не эмпирическую) достоверность.

бление, или ЯИ, есть там и только там, где есть контекстуальность. Там, где нет смысла/контекстуальности, есть просто то, что есть, т. е. реальность.

Согласно витгенштейновской проблеме следования правилу, в конечном итоге не существует (мета)правила для применения правила (в новых конкретных условиях. В парадигматических же случаях правило применяется автоматически, механически). В этом смысле мы следуем правилу «слепо», «инстинктивно», «спонтанно», но не иррационально. Применение в-правила корректно тогда и только тогда, когда оно обосновывается. Но в общем случае обоснование возможно только *post factum*. Поэтому риск неправильного применения сохраняется. Тем не менее, именно понятие контекста позволяет совместить возможность ошибки, риск и объективную достоверность применения в-правила. В частности, знание как ЯИ (ментальное состояние в экстерналистском смысле, согласно Т. Уильямсону) сопровождается соответствующей феноменологией, чувством обладания знанием.

Понятие контекста отсылает к не(пред)определённости применения в-правила, (новым) ЯИ, их укоренённости в реальности, возможности изменения самого в-правила. Существует до конца не эксплицируемая часть ЯИ, в-правила, обязанная их интимному контакту с самой реальностью, – контекст.

Сказанное подразумевает, что само в-правило (норма, концепт) не часть реальности, не реально. Оно относится к категории идеального. Согласно нам, витгенштейновская проблема следования правилу, или проблема его контекстуального (прагматического/практического) применения, – проблема категориального провала между идеальным и реальным. Постулат категориального дуализма лежит в основании нашей позиции – контекстуального реализма (КР) [Прись, 2020; 2021; 2022a; 2023; 2024a].

Контекст, напротив, реален. В первом приближении это неэксплицированное (неконцептуализированное) реальное, тогда как то, что эксплицируется в виде формулировки в-правила (концептуальное), идеально. В то же время сама граница между реальным и концептуальным подвижна, зависит от точки зрения, контекста. То есть концептуальное/нормативное/идеальное и реальное/фактическое могут превращаться друг в друга. В частности, как известно, ПП могут менять свой статус: они могут превращаться из нормативных предложений в эмпирические и наоборот [Прись, 2017]³. Натурализованные ПП, то есть ПП как эмпирические предложения, – фундаментальный контекст. Это «грубые факты», которые лежат в основании других фактов. У Аристотеля роль таких фактов (ПП) играют *Ananké Stenai* – то, что не выводимо, не доказуемо, но применяется в качестве необходимой предпосылки, позволяющей остановить регрессию до бесконечности. Согласно Аристотелю, нужно где-то остановиться⁴.

³ Нам близка точка зрения авторов недавней статьи по петлевой эпистемологии, утверждающей, что «данная математическая сущность (entity) может употребляться контекстуально как эпистемическая петля, неэпистемическая петля или же не-петля» [Fairhurst, 2024, p. 1]. «Математические предложения в различных контекстах не только могут играть петлевую или эмпирическую роли, но также могут вести себя как петли разных типов (например, различие эпистемическая/неэпистемическая)» [Fairhurst, 2024, p. 8].

⁴ Понятие грубого, или бэкграундного, факта вводит Э. Энском. Она приводит пример с бакалейщиком, которому должна заплатить за доставку картофеля: «Вслед за Юмом я могла бы сказать своему бакалейщику: “Истинность состоит в согласии либо с отношением идей, как, например, двад-

Как было сказано, контекстуальна не устоявшаяся/автоматизированная, а новая, аутентичная (спонтанная/естественная) ЯИ. Контекст ЯИ – тот конкрет-

цать шиллингов составляют фунт, либо с фактами, как, например, то, что вы доставили мне порцию картофеля; отсюда вы можете видеть, что термин не применим к такому предложению, как “я должна вам столько-то за картофель”. Нельзя переходить от “есть” – например, что я действительно попросила картофеля и что вы доставили его и прислали мне счет, – к “должна”.

Состоит ли мой долг перед бакалейщиком в данном случае в каких-либо фактах, помимо упомянутых? Нет. Кто-то может сказать: он состоит в этих фактах в контексте наших институтов. В каком-то смысле это правильно. Но мы должны быть осторожны, чтобы, так сказать, правильно провести (bracket) этот анализ. То есть мы не должны сказать, что он состоит в этих фактах-имеющих-место-в-контексте-наших-институтов, а сказать, что он состоит в этих фактах – в контексте наших институтов, или, что в контексте наших институтов, он состоит в этих фактах. Ведь утверждение, что я должна бакалейщику, не содержит описания наших институтов, так же как утверждение, что я дала кому-то шиллинг, не содержит описание института денег и валюты этой страны. С другой стороны, для того чтобы быть таким высказыванием, каким оно является, необходимо наличие этих или очень похожих институтов в качестве бэкграунда» [Anscombe, 1958, p. 69].

На наш взгляд, здесь можно выделить два важных положения: реалистское понимание контекстуальности и нормативный реализм. Первое противопоставляется релятивистскому и корреляционистскому (или неокантианскому, то есть принципиально ограничивающему познание познаваемой перспективой) пониманием контекста. Контекст – необходимое условие всякого осмысленного высказывания. Он подразумевается, но не описывается высказыванием. В частности, применительно к квантовой механике роль фонового контекста играют экспериментальные условия приотворения эксперимента и наблюдения его результатов, включая прибор наблюдения (наблюдателя). Иногда говорят, что квантовый объект и результат измерения, произведённого над ним, нельзя отделить от контекста наблюдения, измеряющего прибора, наблюдателя. Это может быть понято в том смысле, что результат наблюдения/измерения – это результат-наблюдения/измерения-в-данном-экспериментальном-контексте-данном-прибором. На самом деле, согласно нашему контекстуальному квантовому реализму (ККР), утверждение, что измеряемый квантовый объект и результат измерения не отделены от прибора измерения и наблюдателя, измерительного контекста, является аналитическим/грамматическим. Описание результатов измерения и, соответственно, измеряемого объекта, его свойств не содержит в себе описание экспериментальной ситуации, хотя последняя подразумевается. (Как пишет Энском, «любое описание предполагает контекст нормальной процедуры, но этот контекст даже неявно не описывается в описании. Исключительные обстоятельства всегда могут иметь значение, но они не принимаются во внимание без причины (reason)» [Anscombe, 1958, p. 71].) При этом результаты измерения, показываемые приборами, не отождествляются непосредственным образом со свойствами измеряемого квантового объекта. Последние супервентны на результатах измерения в экспериментальном и теоретическом контексте. (То есть можно различать результаты наблюдения как показания приборов и результаты наблюдения как свойства измеряемых квантовых объектов. Последние супервентны на первых в контексте измерения.)

Подобным же образом можно говорить о существовании нормативных фактов и свойств, супервентных на ненормативных в контексте. Реальный нормативный факт, что Энском должна бакалейщику определённую сумму денег в контексте социальных институтов, с необходимостью следует из ненормативных фактов. Условие «в контексте социальных институтов» является принципиальным. Вне контекста нет никакого необходимого следования. Также контекст – нормативное понятие. Поэтому нет никакой гарантии, что мы имеем дело именно с тем контекстом, который гарантирует необходимое следование. Контингентные факторы могут привести к изменению контекста.

Проблема гильотины Юма, то есть перехода от фактического «есть» к идеальному «должно» и одновременно от ненормативного факта (свойства) к нормативному снимается; этот переход осуществляется, провал между нормативным и ненормативным закрывается на практике, в действии, в контексте. Нормативное «должно» супервентно на грубых ненормативных фактах в контексте, роль которого у Энском играют социальные институты. Само различие между грубыми и описательными фактами, предполагающими грубые факты, относительно. Описательные факты оказываются грубыми для описательных фактов более высокого уровня. И наоборот, грубые факты могут оказаться описательными в контексте более фундаментальных грубых фактов. Также описательный факт не предполагает с необходимостью некоторые фиксированные грубые факты. Контекст может оказаться исключительным. То, что Энском называет грубыми фактами, играет роль бэкграунда, то есть контекста.

ный контекст, который делает применение в-правила (нормы, концепта) *адекватным*. В рамках такого применения (ЯИ) идентифицируется, «схватывается» контекстуальный объект как сама полнокровная вещь, а не её кантианский эрзац «для нас».

Также форма жизни как таковая, определяющее (структурирующее) её в-правило (имплицитная или эксплицитная грамматика), натурализованное в виде парадигматических случаев своих применений (устоявшихся ЯИ), играют роль контекста. (В-правило идеально, но натурализованное в-правило, в частности, натурализованные ПП, относятся к категории реального. Они, как было сказано, выражают общие «грубые (реальные) факты».) Но это более общий контекст-предположения, контекст-бэкграунд, делающий возможным конкретные ЯИ и их конкретные контексты. Если применяемые в-правило, концепты соответствуют наличному бэкграунду (форме жизни), их применение *подходящее*.

Таким образом, мы вводим два нормативных условия: подходящести и адекватности⁵. Последнее условие является более сильным, так как предполагает первое. Подходящность правила, нормы, концепта концептуальной схемы означает соответствие области своей применимости, играющей роль общего контекста, тогда как их адекватность означает корректность их применения в конкретном контексте ЯИ, устанавливающего интимный контакт с реальностью. Понятия общего и конкретного контекстов отражают категориальный (не субстанциальный) дуализм идеального правила и его реального применения. Именно контекст позволяет укоренить идеальное (нормы, концепт, смысл) в реальном (фактическом), то есть делает его подлинно идеальным (неукоренённое в реальном идеальное остаётся псевдоидеальным; идеальное не может быть автономным). Бенуа, например, пишет, что «контекст – это то, что делает возможным действительный смысл (*le sens effectif*)» [Benoist, 2011, p. 88].

2. Контекстуальный реализм

Резюмируем вышесказанное в терминах нашего контекстуального реализма (КР). КР мы формулируем в виде двух постулатов (аналитических/грамматических истин): (1) реальность первична; она просто такова, какова она есть; (2) идеальное (концепты, правила, нормы, интенции, смысл) вторично; идеальное и реальное относятся к разным категориям (категориальный дуализм): идеальное не реально. То же самое сформулируем в виде двух тавтологий: (1) реальное реально; (2) идеальное идеально (не часть реальности, не дано, не являет себя). Идеальное, однако, объективно, то есть имеет реальные условия своего (не реального) существования и применения (в противном случае оно превращается в псевдоидеальное). Применение идеального – измерение реальности. В частности, норма – норма реальности: реально то и только то, что удовлетворяет соответствующей норме, которая применяется в контексте. То есть норма (идеальное) измеряет реальность, идентифицирует то, что есть. И наоборот: реальность и есть то, что измеряется нормой (идеальным). Поэтому эквивалентным образом КР формулируется как чувствительность онтологии (а следовательно, и эписте-

⁵ Аналогичное различие вводит Бенуа [Benoist, 2011, p. 56].

мологии, и семантики) к контексту. Также эквивалентным образом КР формулируется как чувствительность норм к контексту (это положение можно даже трактовать как аналитическое: нормы по определению чувствительны к контексту). Наконец, с точки зрения КР исчезает различие между реализмом и идеализмом: КР совпадает с контекстуальным идеализмом (КИ), понятием как реалистский (контекстуальный) подход к идеальному как имеющему реальные условия своего объективного (но не реального) существования, а не как реализм идеального. По этой причине КР можно назвать идеальным (нормативным, интенциональным или концептуальным) реализмом. Понятие контекста стирает различия между позициями. КР оказывается позицией, объединяющей существующие философские позиции и, одновременно, в рамках этого объединения корректирующей их⁶. С этой точки зрения, существует одна правильная философская позиция – КР. Любая другая позиция, отклоняющаяся от неё, оказывается либо ошибочной антиреалистской (идеалистической) позицией, либо позицией приближённой, либо имеющей ограниченную область применимости. Другими словами, КР играет роль «единой теории» философии, подобно тому как теория струн или квантовая гравитация играют роль единой теории физики, а программа Ленглендса – единой теории математики.

Поскольку КР – категориальный дуализм, его структура – структура провала между идеальным и реальным. Это структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Провал между в-правилом и его применением закрывается на практике, в действии – когнитивном (суждении) или практическом, – в контексте. (Суждение и действие контекстуальны).

С точки зрения КР понятие контекста неотделимо от понятия нормы. Норма приобретает смысл и применяется в контексте. О контексте, в свою очередь, имеет смысл говорить там и только там, где есть нормативное (концептуальное) движение в реальности, смысл. В более общем плане контекст есть там и только там, где есть идеальное (норма, концепт, смысл). КР – это правильное понимание контекста (нормы, идеального), контекстуальности (нормативности, идеальности)⁷. Утверждение категориального дуализма идеального и реального – это утверждение контекстуальности.

Наконец, контекстуальность – это, как уже было сказано, также не(пред)определённость. Это, в частности, означает, что КР, будучи синтезом реализма и контекстуализма (на самом деле подлинный реализм не может не быть контекстуальным), отвергает редукцию реальности к объективности, реализма к объективизму, присущую философии модерна и постмодерна. Объективизм исключает не(пред)определённость.

⁶ Я рассматриваю КР как одновременно терапевтическую и объединяющую позицию примерно в том же смысле, в котором Н.О. Лосский рассматривает свой интуитивизм (универсальный, или мистический, эмпиризм) как корректирующую (традиционные (индивидуалистический) эмпиризм, рационализм и критицизм, а также мистический (идеалистический) посткантовский рационализм) и объединяющую позицию. Хотя Лосский не оперирует понятием контекста, существует много общего между КР и интуитивизмом [Лосский, 1908].

⁷ С точки зрения КР контекст не ограничивает и не релятивизирует познание, а, напротив, делает возможным объективное познание, существование подлинной универсальности, которая есть универсальность идеального (нормативного, концептуального) как универсальная пригодность в области своей применимости (что является аналитической истиной, тавтологией).

Таким образом, наш КР утверждает следующее отношение эквивалентности: контекстуальность = идеальность (нормативность, концептуальность, смысл) = не(пред)определённость, или свобода воли. Из этих эквивалентностей следует также эквивалентность между КР и этикой [Прись, 2024a]. В метафизическом плане КР – это подход «сначала реальность». В эпистемологическом – «сначала знание». В этическом – «сначала благо (good)».

Наш контекстуальный квантовый реализм (ККР) – применение КР в области квантовой механики (КМ). ККР позволяет скорректировать и совместить понятия не(пред)определённости и контекстуальности эпистемических, в частности неокопенгагенских, интерпретаций КМ, нормативную трактовку КМ кьюбизмом (QBism) и его субъективную интерпретацию квантовой вероятности, прагматистские, феноменологические и реалистские интерпретации [Прись, 2023]. ККР вводит понятие контекстуальной вероятности (к-вероятности), которое независимо в математической физике было введено А. Хренниковым [Khrennikov, 2009; Прись, 20226].

3. От нормы к контексту и наоборот

Итак, как уже должно быть ясно, на отношение между нормой и контекстом можно посмотреть с двух сторон. Можно начать с нормы и рассмотреть её применения в разных ситуациях, контекстах (понятия «ситуация» и «контекст» можно рассматривать как эквивалентные). В этом случае контекст возникает как конкретные условия применения нормы. Одна и та же норма может быть применена в разных контекстах. Но можно начать с некоторой конкретной ситуации, контекста и эксплицировать в нём норму. В другом контексте может быть эксплицирована та же самая норма, но может быть эксплицирована и другая норма. (Эксплицированная норма, разумеется, может быть применена в разных контекстах.) В этом втором случае понятие контекста связано с бэкграундом как таковым, эксплицируемой нормой (которая, оставаясь неэксплицированной, просто играет роль грубого факта, пресуппозиции. Точнее говоря, роль грубого факта играют соответствующие устоявшиеся случаи её применения, образующие в своей совокупности форму жизни). Таким образом, контекстуальность оказывается двойственной, многоуровневой. Регресса контекстов, однако, не возникает, так как контекст по определению не предполагает наличие другого контекста. Суть контекстуальности в наличии эксплицитной или имплицитной нормы (концепта, смысла, идеального). Это то, что, как уже было сказано, делает контекст, данную конкретную ситуацию до конца неуловимой. В свою очередь сама норма, а не только её применения, контекстуальна. Отсюда и двойственность контекста. В следующем параграфе мы рассмотрим пример.

4. Пример зависимости от контекста

Рассмотрим (интерпретируем) вкратце пример с объединением и дизъюнктивным объединением двух множеств, который приводит Ж. Бенуа [Benoist, 2011, ch. III]. Эти понятия совпадают, если множества не пересекаются, и они не совпадают, если множества пересекаются. Мощность (число элементов) дизъюнктного объединения двух пересекающихся множеств равна сумме их мощностей.

Напротив, мощность их простого объединения меньше суммы их мощностей, так как относящиеся к разным множествам одинаковые элементы учитываются только один раз. В случае если множества не пересекаются, мощность простого объединения двух множеств равна мощности их дизъюнктного объединения.

Если простое объединение множеств рассматривается как смешение их элементов, оно играет роль реальности (общего, бэкграундного контекста) для дизъюнктного объединения. Последнее предполагает норму, в соответствии с которой эта реальность «измеряется» таким образом, что общие элементы двух множеств учитываются дважды, поскольку они помечаются индексом, указывающим на их принадлежность к тому или иному множеству и, тем самым, превращаются в отличные друг от друга элементы. Конкретный контекст – контекст дизъюнктного объединения (когда множества пересекаются) – возникает в реальности простого объединения.

Как уже было сказано, различие между реальным/фактическим и нормативным зависит от контекста. Само простое объединение в бэкграундном контексте теории множеств, играющем роль реальности, есть её измерение при помощи нормы объединения, конкретный контекст.

Таким образом, мы делаем различие между специальным (особым, конкретным) контекстом (ситуацией) и общим контекстом, бэкграундом – тем, что делает конкретный контекст, ситуацию возможными. В витгенштейновских терминах это различие между языковой игрой и формой жизни (внешними обстоятельствами), которую она предполагает. Устоявшиеся ЯИ образуют общий контекст, реальность, тогда как новые ЯИ – особый контекст, контекст употребления. (Бенуа говорит о внешнем по отношению к смыслу «чисто голом контексте» и «контексте употребления» [Benoist, 2011, p. 82]).

Тем не менее, иерархии контекстов и, соответственно, бесконечного регресса не возникает. Мы всегда имеем дело с той или иной реальностью, в которой возникает нормативное движение и, соответственно, контекст. В идентификации, схватывании самой вещи в рамках ЯИ никакого регресса контекстов не возникает по определению, так как контекст – это лишь то, что делает возможным эту идентификацию, схватывание.

Контекст подразумевает норму, её применение, а, следовательно, реальность, которую эта норма измеряет (бэкграундный контекст). То, что измеряется, – измеряется в конкретном контексте, который может варьироваться (в более общем бэкграундном контексте).

Контекст – это то, что делает норму возможной, что укореняет её в реальности, что представляет собой «трение» нормы и реальности и, следовательно, то, что сопротивляется норме и преобразует её. В общем случае контекст – «трение» идеального (нормы, концепта, смысла) и реального, делающее возможным существование идеального. Поскольку контекст нормативен, это предполагает дистанцирование от реальности, то есть рефлексию, возникновение концептуального измерения. (Это дистанцирование особенно заметно в том случае, если контекст новый, специфический). Витгенштейн пишет: «Мы ступили на скользкий лёд, где нет и следа трения, зато, в некотором смысле, условия идеальны, но именно из-за этого мы не можем двигаться. Мы хотим двигаться: следовательно»

но, нам нужно *трение*. Обратное на грубую почву!» [Витгенштейн, 2019, § 107]. Это означает, что идеальное (смысл, нормы, концепты) не автономно. Автономная идеальность («нет и следа трения») – псевдоидеальность.

Контекст, с одной стороны, позволяет ограничить область применимости концепта, в-правила (очертить эту область), а с другой – обобщить его (расширить эту область, но уже для обобщённого в-правила. Релятивистская физика, например, обобщает нерелятивистскую, а квантовая – классическую. Соответствующие теории как в-правила/концепты обобщаются) [Прись, 2012].

5. Контекст как релевантное (имплицитное/бэкграундное) знание

Контекст как форма жизни, имплицитная или эксплицитная натурализованная грамматика (в-правило, ПП) – общее знание. (В-правило как таковое не знание (знание пропозиционально и фактивно, то есть с необходимостью предполагает наличие соответствующего факта), но натурализованное в-правило в виде своих парадигматических применений и факта наличия самого правила, выражаемого в формулировке правила, – знание. Это знание правила.) Специфический контекст конкретной ЯИ – конкретное знание. Таким образом, контекст не есть нечто прилагаемое, дополнительное. Он есть (в виде условий – релевантное знание, очевидность (evidence)) и его нет в том смысле, что есть только данное, то, что даётся (познаётся) в ЯИ, – контекстуальный объект. Понятие контекста указывает на то, что онтология не автономна, не predetermined, а «контекстуальна». Идентифицируемые (познаваемые) вещи идентифицируются (познаются) в контексте. В то же время они таковы, какими они идентифицируются, познаются, и они были таковыми до своей идентификации, познания. В этом смысле, строго говоря, нет релятивности к контексту, разделения на «текст» и внешний «контекст», в зависимости от которого один и тот же текст мог бы иметь различный смысл⁸. Правильное понимание понятия «контекст» делает возможным подлинный реализм, который не может не быть контекстуальным.

Если контекст – это релевантное знание (формы жизни или более конкретное), а релевантное знание (о фактах, знание реальности), как утверждает ЭСЗ Уильямсона, это очевидность (evidence), то контекст – это очевидность. Согласно ЭСЗ, знание (очевидность), вообще говоря, не очевидно. Зачастую мы что-то знаем (у нас есть соответствующая очевидность), но мы не знаем, что мы это знаем (наша очевидность не очевидна). И наоборот: зачастую мы уверены, что мы что-то знаем (у нас есть очевидность второго порядка в пользу очевидности первого порядка), тогда как на самом деле мы это не знаем (у нас нет очевидности первого порядка) [Williamson, 2002]. Контекстуальность предполагает отсутствие гарантии, риск. Таким образом, контекст как, вообще говоря, имплицитное (бэкграундное) знание, очевидность не всегда очевиден, до конца не уловим.

Таким образом, существует тесная связь между понятием «контекст» и понятиями знания, очевидности, смысла, нормы, концептуального, объекта (онтологией). Ни одно из этих понятий не имеет строгого содержательного определения. Знание – первичное эпистемическое понятие, не поддающееся концептуальному

⁸ Релятивность к внешнему контексту означала бы своего рода релятивизм.

анализу (с точки зрения ЭСЗ, которую мы принимаем). Нормативность, концептуальность и идеальность, так же как и контекстуальность, трудноопределимы⁹. Объект как принцип идентификации того, что есть, – грамматическое определение. Формула «смысл – употребление (супервентен на употреблении)» – не определение смысла.

6. Контекст и контекстуальность в квантовой механике (КМ)

6.1. Некоторые разновидности контекста в КМ

В КМ контекст, во-первых, определяется условиями (приготовления) эксперимента¹⁰. Его называют ещё «до-измерительным (англ. *pre-measurement*) контекстом». В данном до-измерительном контексте мы можем измерять различные наблюдаемые. Поэтому такой контекст вместе с выбором наблюдаемой для измерения образуют более конкретный контекст измерения. По умолчанию предполагается, что измерение является проективным. Но оно может быть непроективным (вместо проекторов могут использоваться «положительные операторы», что отсылает к общей теории измерительных инструментов в КМ). В таком случае контекст измерения предполагает также задание «инструмента измерения» (в общем случае непроективного оператора). Таким образом, вероятностное распределение значений измеряемой величины и состояние системы после измерения не однозначны, а зависят от выбора инструмента измерения. Результату измерения соответствует «после-измерительный контекст»¹¹. В несколько других, но эквивалентных, терминах можно сказать, что условия приготовления эксперимента определяют квантовую систему, то есть её волновую функцию. А. Хренников отказывается от понятия автономной квантовой системы и говорит, что волновая функция описывает условия эксперимента. Для нас условия эксперимента, то есть контекст, остаётся на заднем плане, но он определяет (чувствительную к контексту, а не автономную) квантовую систему, которая и описывается (представляется) волновой функцией. Таким образом, контекст каждого конкретного результата квантового измерения – это соответствующая (измеренная, например,

⁹ Т. Уильямсон пишет: «Я больше не пытаюсь серьезно работать с термином “концепт”, поскольку считаю выделение (individuation) “концептов” безнадежно неясным» [Левин, 2023, с. 53].

¹⁰ Отметим, что Н. Бор термин «контекст» не употреблял, но у него роль этого термина играет выражение «экспериментальные условия».

¹¹ Хренников даёт следующие определения контекста: «Измерительный контекст состоит из до-измерительного контекста C , наблюдаемой A , и после-измерительного (post-measurement) контекста $C_{A=x}$ соответствующего исходу $A = x$, то есть представляется тройкой $(C, A, C_{A=x})$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (дата обращения: 07.12.2024), р. 4). Преобразование $C \rightarrow C_{A=x}$ может быть описано как отображение $T_A(x) : C \rightarrow C$, где C – множество до-измерительных контекстов. Пару $I_A = (A, T_A)$ Хренников называет контекстуальным инструментом. Это базовый инструмент теории измерений. В несколько других обозначениях: «Пара $I_A = (\text{наблюдаемая, отображение актуализации контекста (context update map)}) = (A, T_A)$ называется контекстуальным инструментом; пара (C, I_A) , или тройка (C, A, T_A) , называется измерительным контекстом». «Разнообразие (a variety) инструментов может быть ассоциировано с той же самой наблюдаемой A : $I_A = (A, T_A)$, $I'_A = (A, T'_A)$, $I''_A = (A, T''_A)$, Все эти отображения актуализации имеют ту же самую область определения, определяемую наблюдаемой A » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (дата обращения: 07.12.2024), р. 9).

проективно редуцированная) волновая функция, то есть волновая функция квантовой системы после измерения.

6.2. Квантовая вероятность – контекстуальная вероятность:

Р. Фейнман, А. Хренников

Впервые формулу квантовой вероятности, то есть вероятности для квантовой частицы, вывел Р. Фейнман. Он сделал это, исходя из рассмотрения известного интерференционного квантового эксперимента на двух щелях. Фейнман понял, что в рассматриваемом эксперименте возникают три различных контекста, соответствующие трём различным условиям эксперимента: А (открыта только левая щель), В (открыта только правая щель), С (открыты обе щели). Квантовая вероятность попадания частицы в некоторую точку экрана в ситуации С не есть сумма вероятностей её попадания в эту точку в ситуациях А и В, как это имеет место в классическом случае. Возникает дополнительный интерференционный член. Это можно объяснить тем, что значимыми оказываются не только простой факт наличия двух открытых щелей, но также и ситуация в целом («топология» С, или контекст С. То есть имеется дополнительная информация, которая и позволяет модифицировать классическую вероятность). Фейнман сделал заключение, что квантовая вероятность, в отличие от классической, не аддитивна. Хренников предложил другую, но тоже контекстуальную, интерпретацию. Та же самая формула полной вероятности возникает, если предположить, что вероятность аддитивна, но нарушается формула условной вероятности (формула Байеса), тогда как Фейнман по умолчанию предполагал справедливость классического байесовского подхода, основанного на условной вероятности. Нарушение формулы Байеса обусловлено контекстуальностью вероятности, то есть необходимостью принимать во внимание изменение контекста. Контекстуальность, то есть существование несовместимых, но дополняющих друг друга, контекстов, – единственное отличие квантового случая от классического. Принцип дополнительности Бора Хренников, как и мы, трактует как принцип контекстуальности. В этом смысле не существует никакой мистической квантовой природы. Квантовые и квантовоподобные явления обусловлены контекстуальностью.

Квантовая вероятность может быть понята как обобщение классической вероятности – как контекстуализированная классическая вероятность (в классической (колмогоровской) теории вероятности контекст просто фиксирован), а КМ, соответственно, – как обобщение классической механики. Зависимость от контекста означает, что не существует совместного распределения вероятностей всех величин системы. В зависимости от контекста существуют разные, но дополняющие друг друга распределения вероятности. Например, нет совместного распределения вероятности координаты и импульса частицы, а есть два дополняющих друг друга распределения: вероятностное распределение её координаты и вероятностное распределение её импульса. Говорят ещё о корпускулярно-волновом дуализме: в одном контексте это волна, а в другом – частица. Но нет контекста, в котором квантовая частица была бы одновременно волной и частицей. Частица-волна – противоречивый объект.

В известном смысле в каждом фиксированном контексте мы имеем дело с классической механикой¹². Квантовый формализм лишь устанавливает связь между контекстами. Это делает возможным говорить о квантовой системе, наблюдаемые которой измеряются, вообще говоря, в разных контекстах. Только в том случае, если наблюдаемые совместимы, то есть коммутируют, существует общий контекст, в котором они могут быть одновременно измерены.

6.3. Интерпретация КМ и квантовой вероятности А. Хренниковым

Хренников пишет о своей интерпретации квантовой механики, «Växjö» («Векшё». Это название города в Швеции), следующее: «Мы показали, что, вопреки распространенному мнению, нетривиальная интерференция вероятностей не связана с какими-то особыми (и даже мистическими) “квантовыми свойствами”. В подходе Векшё все вероятностные рассуждения являются чисто классическими (но контекстуальными!). Мы не будем рассматривать волны или апеллировать к дуализму волна-частица. Интерференция вероятностей для наблюдаемых a и b в контексте C является следствием присутствия в этих наблюдаемых некоторой дополнительной информации о контексте C » [Khrennikov, 2009, p. 83, note 2].

Понятие «контекстуальной вероятности» Хренников вводит так: «Принцип контекстуальной относительности вероятностей. Контекстуальность означает, что все вероятности зависят от комплексов условий S – контекстов: $P(E) \equiv P_S(E)$. Бессмысленно говорить о вероятности, не определив комплекс физических условий»¹³. Это универсальное понятие, применимое не только в физике.

Ранее мы ввели аналогичное понятие контекстуальной/очевидностной квантовой вероятности [Прись, 2022б]. Наше понятие – применение в КМ понятия очевидностной (evidential) вероятности Т. Уильямсона [Williamson, 2002]. Очевидностная вероятность – вероятность события, условная на очевидности, понятой как полное релевантное (контекстуальное) знание (в этом отличие от субъективистского байесовского подхода)¹⁴. Контекст, или данные, в смысле Хренникова – это как раз и есть такое знание/очевидность. В КМ контекст определяется волновой функцией. Как уже было сказано, в отличие от Хренникова, мы говорим, что волновая функция кодирует знание о квантовой системе (в контексте), а не описывает контекст. То есть, как и Хренников, мы отвергаем существование автономной, или предопределённой (предшествующей измерению), квантовой онтологии, но утверждаем, что квантовая онтология контекстуальна.

Хренников делает различие между условной и контекстуальной вероятностями. Условная вероятность $P(B/A)$ – «это вероятность того, что событие B

¹² Аналогичным образом в контексте каждой фиксированной инерциальной системы отсчёта мы имеем дело с ньютоновскими абсолютными пространством и временем. Специальная теория относительности (СТО) устанавливает связь между этими контекстами. Отличие от КМ в том, что СТО устанавливает не только связь, но и точное соответствие между контекстами.

¹³ См.: Khrennikov A. Växjö Interpretation of Quantum Mechanics (28 Jul 2003) URL: <https://arxiv.org/abs/quant-ph/0202107> (date of access: 10.06.2024), p. 8–9.

¹⁴ С точки зрения эпистемологии сначала-знания (ЭСЗ) Т. Уильямсона имеет место эквивалентность очевидность = знание.

произойдет при условии, что произошло событие A . Таким образом, обычное обусловливание – это обусловливание события». Обусловливание в смысле Хренникова – «это контекстное обусловливание: $P(b = \beta|C)$ – это вероятность того, что наблюдаемая b принимает значение β в процессе измерения в контексте C » [Khrennikov, 2009].

Но условную вероятность $P(B/A)$ можно трактовать как частный случай контекстуальной вероятности: $P(B/A) = P(b = B|C=A)$. Таким образом, в классической физике (теории вероятности) $P(B|C) = P(A|C)P(B|C\&A)$, где C – исходный общий контекст. Он фиксирован, но конкретный контекст актуализируется, превращается в $C \& A$. В КМ возникновение события A меняет исходный контекст, так что $P(B|C) = P(A|C) P(B|C\&A = C')$ (равенство, поскольку контекст C' предполагает A), где $C' = TC$ (T – измерительный инструмент, преобразующий C в C' . T может быть проектором или положительным оператором)¹⁵. $C\&A \neq C'\&A = C'$. Классическая и квантовая формулы отличаются. Таким образом, поскольку в общем случае условная вероятность предполагает переход от одного контекста C к другому C' , классическая байесовская формула оказывается нарушенной.

6.4. Некоторые примеры квантовой контекстуальности

Колмогоровская вероятность классической физики неявно предполагает один-единственный фиксированный контекст, для которого она и рассматривается (хотя сам Колмогоров указывал на бессмысленность определения вероятности в отрыве от контекста). (Технически это означает, что не требуется вводить дополнительный индекс, обозначающий контекст.) Если бы все контексты были совместимыми, их можно было бы свести к одному контексту, и, таким образом, в понятии контекстуальности не было бы необходимости. Но, как доказывает, например, КМ, существуют несовместимые контексты. Соответственно, следует предположить существование несовместимых распределений вероятности.

В простейшем случае квантовую вероятность можно связать с некоммутативностью наблюдаемых, что эквивалентно их несовместимости (дополнительности), зависимости результата измерения от порядка измерения. Например, координаты и импульс не могут одновременно иметь определённые значения. Результат их измерения зависит от порядка измерения. $P(x, p) \neq P(p, x)$, где $P(x, p)$ и $P(p, x)$ – распределения вероятности величин x и p , измеряемых в соответствующем порядке.

Контекстуальность в смысле Белла, которая проявляется в явлении квантовой корреляции запутанных переменных, – это зависимость результата измерения одной переменной B от результата измерения другой, коммутирующей с ней переменной A . В разных контекстах (при разных значениях A) B имеет разные

¹⁵ Хренников определяет контекстуальную условную вероятность так: «Рассмотрим измерительный контекст (C, A, T_A) . Пусть он генерирует исход $A = x$ и соответствующую актуализацию контекста, $C \rightarrow C_{A=x} = T_A(x)C$. Рассмотрим измерение другой наблюдаемой B относительно условия $A = x$, то есть относительно контекста $C_{A=x}$. Условная вероятность даётся формулой: $P_{C, T_A}(B = y|A = x) \equiv P_{C_{A=x}}(B = y) = P_{T_A(x)C}(B = y)$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (date of access: 07.12.2024), p. 10).

значения, что выглядит как мгновенное воздействие на расстоянии¹⁶. Поэтому обычно квантовая корреляция трактуется как нелокальный эффект в КМ. Хренников отказывается от такой точки зрения и трактует квантовую корреляцию как эффект контекстуальности¹⁷. Независимо контекстуальная трактовка была предложена нами в рамках КР (ККР) [Прись, 2020; 2023].

Предположим, что величина A коммутирует с величинами B и C . То есть A и B могут быть измерены одновременно, а также могут быть одновременно измерены A и C . Оказывается, что результат измерения A зависит от того, измерили мы B или C . То есть он зависит от контекста. Это явление называется контекстуальностью совместного измерения (joint measurement contextuality, JMC) [Khrennikov, 2023, p. 308]¹⁸.

6.5. О (нео)кантианском и реалистическом подходах к квантовой контекстуальности

В самом общем случае Хренников формулирует принцип контекстуальности в КМ следующим образом: «Неразделимый вклад в результат измерения (output) всякой квантовой наблюдаемой вносят система и измерительный прибор»¹⁹. Ссылаясь на Бора, что невозможно чётко разделить поведение атомных объектов и их взаимодействие с измерительными приборами, и на (нео)кантианскую интерпретацию Бора А. Плотницким, он рассматривает результат измерения как результат «взаимодействия» системы и измерительного прибора. Вводя для контекста, или «комплекса экспериментальных условий», обозначение $C = (\rho, \sigma, U)$, где ρ – атомный объект (его состояние), σ – измерительный прибор (его состояние), U – взаимодействие, выражаемое унитарным оператором, Хренников пишет: «Связь между контекстуальностью (в смысле Бора) и несовместимостью совершенно ясна: несовместимость является, так сказать, “производной” от контекстуальности. Нет оснований ожидать, что любая пара контекстов $C_1 = (\rho_1, \sigma_1, U_1)$ и $C_2 = (\rho_2, \sigma_2, U_2)$ может быть объединена в рамках совместной измерительной схемы, даже если $\rho_1 = \rho_2 = \rho$ »²⁰. Таким образом, контекст, с одной стороны, оказывается единым

¹⁶ A и B могут, например, быть проекциями спина на ось z двух запутанных между собой в результате первоначального взаимодействия квантовых частиц, разнесённых на очень большое расстояние друг от друга.

¹⁷ Спутывание Хренников трактует в терминах вероятности, а не тензорного произведения гильбертовых пространств. В общем случае (в терминах теории инструментов, обобщающей теорию проективных измерений) оно определяется так: «Для $C \in \mathcal{C}$ инструменты IA и IB совершенно условно совершенно (perfectly) коррелируются для значений ($A = \alpha, B = \beta$), если условная вероятность получить значение $B = \beta$ при условии, что предшествующее A -измерение имело исход $A = \alpha$, равно 1, $P_C(B = \beta | A = \alpha) = 1$ » (см.: Khrennikov A. Contextual measurement model and quantum theory (19 Dec 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2312.13300> (date of access: 07.12.2024), p. 18). Здесь \mathcal{C} – совокупность всех контекстов.

¹⁸ В этом случае $P(B, A, C) \neq P(C, A, B)$, где $P(B, A, C)$ – распределение вероятности величин A, B, C , измеряемых в порядке B, A, C , а $P(C, A, B)$ – распределение вероятности тех же величины, измеряемых в порядке C, A, B . Совместное вероятностное распределение оказывается неоднозначным.

¹⁹ См.: Khrennikov A. Formalization of Bohr's contextuality within theory of open quantum systems (18 Feb 2021) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.09184> (дата обращения: 07.12.2024), p. 3.

²⁰ См.: Khrennikov A. Formalization of Bohr's contextuality within theory of open quantum systems (18 Feb 2021) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.09184> (date of access: 07.12.2024), p. 6.

целым, включающим в себя и измеряемую систему, так что само понятие измеряемой системы теряет смысл, а с другой – такие элементы контекста как измерительный прибор и взаимодействие между ним и системой оказываются внешними по отношению к системе: в зависимости от того, какой прибор и какое взаимодействие между ним и квантовой системой (в этом случае она уже рассматривается как нечто самостоятельное, но как таковое непознаваемое – вещь в себе), результат измерения будет разным (это своего рода релятивистская позиция).

Наш КР такую философскую трактовку отвергает. Согласно КР, то, что измеряется, измеряется в контексте (вне контекста вообще не имеет смысла говорить об измерении). Но оно таково, каким оно измеряется (именно контекст делает возможным идентификацию), и оно было таким до своего измерения (это реализм), хотя до измерения оно не было (пред)определено, не являлось объектом, на него нельзя было (не имело смысла) указать (это не метафизический, а контекстуальный реализм). То же самое можно выразить в виде тавтологии: до измерения физическая величина не была измерена²¹.

7. О понятиях эпистемической и онтической реальностей

Рассматривая научные теории, Х. Атманспахер и Г. Примас делают различие между онтическим и эпистемическим уровнями [Atmanspacher 2001; 2005; 2024]. Они вводят понятия «контекстуальной топологии» (в зависимости от эпистемического контекста в абсолютной (не контекстуальной, максимально симметричной) онтической реальности оказывается эмерджентной та или иная «эпистемическая реальность», вообще говоря, с контекстуально нарушенной симметрией) и «относительной онтичности» (различие между эпистемической и онтической реальностями относительно; в контексте эпистемическая реальность может приобретать статус онтической и, соответственно, наоборот)²². В недавней статье Атманспахер пишет: «Любая онтология может также рассматриваться как эпистемология в зависимости от того, используется ли она как основа для дифференциации или как результат дифференциации» [Atmanspacher, 2024, p. 19]. Если она используется как «основа для дифференциации», то рассматривается как онтология («онтологическая реальность»), если же как «результат дифференциации», то – как эпистемология («эпистемическая реальность»).

Мы отказываемся от предлагаемого авторами деления на «онтическую/онтологическую» и «эпистемическую» реальности, которое может ввести в заблуждение, что понятие реальности не однозначно, тогда как реальность просто

²¹ Мы всё время говорим о тавтологиях. Ж. Бенуа, например, считает, что, в отличие от науки, философия имеет дело лишь с тавтологиями.

²² Авторы указывают на определённые связи с концепцией онтологической относительности У. Куйана и концепциями внутреннего и прагматического реализмов Х. Патнэма [Atmanspacher, 2001; 2005]. В связи с этим отметим, что прагматический реализм Патнэма оказал определённое влияние на контекстуального реалиста (КР) Ж. Бенуа. Связи КР Бенуа и нашей версии КР с этими концепциями мы здесь не рассматриваем. Скажем лишь, что КР отличается от них именно отказом от предположения философии (пост)модерна и, соответственно, пониманием варибельности онтологии не в релятивистском смысле зависимости от выбора концептуальной схемы, теории или «внешнего контекста», а в смысле её чувствительности к контексту.

такова, какова она есть (в то же время существуют различные виды реальности, например физическая, биологическая, социальная и так далее. Но это реальности в одном и том же смысле). Для нас эпистемология определяет чувствительную к контексту (а не деконтекстуализированную, как у рассматриваемых авторов) онтологию в онтическом смысле. Деконтекстуализированной онтологии не существует. Делать различие между «онтической» и «эпистемической» реальностями не имеет смысла, поскольку в одном контексте мы имеем статистическое приближение (то, что авторы называют «эпистемической реальностью») некоторой онтологии («онтической реальности»), а в другом – саму реальность, другую (эммерджентную) онтологию (в терминологии авторов «эпистемическая реальность» превращается в «онтическую реальность»), которая, в свою очередь, может служить основанием для нового приближения (новой «эпистемической реальности») и, соответственно, новой онтологии («онтической реальности» в терминологии авторов). Фундаментальную неконтекстуальную «онтическую реальность» в смысле Атманспахера и Примаса можно трактовать просто как абстрактную математическую модель, исходя из которой могут быть выработаны различные физические (эмпирические) модели, имеющие отношение к реальности²³. Вкратце, реальность одна, но онтология многообразна и контекстуальна. В то же время в рамках своего двухаспектного нейтрального монизма Атманспахер утверждает, что существует онтический уровень реальности, который уже не может быть превращён в «эпистемическую реальность»²⁴. Это фундаментальный уровень психофизически нейтральной (области) реальности, исходя из которого и возникает разделение на физическое и ментальное [Atmanspacher, 2022; 2024]. Поскольку

²³ Хренников, как и мы, критикует подход рассматриваемых авторов. Он апеллирует к другому различию: различию между наблюдаемой моделью (observational model) и теоретической причинно-следственной моделью (Bild-conception). Если первая основывается на очевидности, является эмпирически подтверждённой моделью/теорией, не обязательно описывающей явления в причинно-следственных терминах, то вторая представляет собой её причинно-конструктивный образ (Bild), неоднозначна и не претендует на описание самих вещей, реальности как она есть. Например, в квантовой механике (КМ) классическая концепция причинности неприменима. Существует, однако, как показал Хренников, её классический статистический «образ» (Bild) (не в смысле теории со скрытыми параметрами в смысле Белла). КМ – статистическое приближение к своей модели-образу. Напротив, классическая механика является одновременно и тем и другим видом модели/теории; это вырожденный случай. Разработка понятия модели-образа и различия между двумя видами моделей восходит к Герцу, Гельмгольцу и Больцману. См.: Khrennikov A. Bild-conception for Scientific in Classical and Quantum Physics: from Hertz and Boltzmann to Schrödinger and De Broglie (10 Oct 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2310.06954> (date of access: 07.12.2024).

²⁴ Грубо говоря, согласно этой метафизической позиции, физическое и психическое – аспекты фундаментальной нейтральной субстанции. Согласно С. Перейра, родоначальником одной из разновидностей нейтрального монизма был Кант. См.: Sa Pereira R. The Kantian Version of Russellian Neutral Monism (to be published in: Grazer Philosophische Studien) URL: https://www.academia.edu/109387546/The_Kantian_Version_of_Russellian_Neutral_Monism_forthcoming_in_GSP_ (date of access: 07.12.2024). Действительно, Канта можно интерпретировать в том смысле, что существует фундаментальный глубинный уровень не пространственно-временных вещей в себе, из которого возникают сознание и материя. В «Критике чистого разума» (A 359) он пишет: «Demnach ist selbst durch die eingeräumte Einfachheit der Natur die menschliche Seele von der Materie, wenn man sie (wie man soll) bloß als Erscheinung betrachtet, in Ansehung des Substrati derselben gar nicht hinreichend unterschieden» (Наш перевод: «Следовательно, даже при признаваемой простоте природы человеческая душа недостаточно отличается от материи, если её рассматривать (как и должно быть) только как видимость, в отношении ее субстрата») [Kant, 1998, S. 477].

для автора ключевым концептом является концепт смысла/значения (meaning as referent, meaning as sense), мы рассматриваем её как идеалистическую²⁵. У нас первичным концептом является концепт реальности. Реальность, в частности, первичный чувственный опыт, а не смысл, играет роль психофизически нейтральной области реальности.

8. Квантовая неопределённость, корреляционизм, контекстуализм

КР/ККР – критика (нео)кантианства и, в частности, (нео)кантианского «корреляционизма». Сравним нашу позицию со следующей неокантианской в широком смысле корреляционистской позицией Битболя: «Наиболее подходящий способ представления о квантовой неопределенности сродни “срединному пути”. Квантовая неопределенность не является ни отражением хаоса отделенной от нас Вселенной, ни выражением нашего частичного незнания природы. Она возникает из-за неотделимости явления от условий, в которых оно проявляется. Другими словами, квантовая неопределенность *по сути своей (essentially) корреляционна*» [Bitbol, 2024, p. 1]. Битболь отвергает как «гиперхаотический абсолют» антикорреляциониста (спекулятивного реалиста) К. Мейясу, случайность, присущую некой абсолютной реальности, так и контингентное незнание детерминированного абсолюта, детерминированных результатов квантового эксперимента (квантовых событий) или фундаментальных детерминистских законов, управляющих квантовыми событиями. Вместо этого предлагается идея гибридной формы случайности. Для Битболя квантовая неопределенность возникает в результате реляционного процесса, в котором участвует агент как часть среды, в которую он погружён. Отношение между средой и агентом контингентно. «Корреляционист, – пишет Битболь, – делает вывод, что ничто не мыслимо *само по себе*, а только *относительно нас самих*» [Bitbol, 2024, p. 3].

КР совпадает с позицией Битболя в её критической части, но расходится по вопросу «корреляционизма». Для КР ничто не мыслимо в себе, но мыслимо как оно есть. Контекст определяет то, о чём идёт речь. Нет смысла говорить, что (контекстуальный) объект определяется относительно собственного контекста, или относительно самого себя. Понятию гибридной формы вероятности соответствует рассмотренное выше понятие контекстуальной вероятности²⁶. Квантовая неопределённость (и случайность) не эпистемическая и не онтическая в традиционном смысле, а контекстуальная. Её можно назвать эпистемической или онтической, но только в контекстуальном смысле. То есть сами эпистемическая и онтическая неопределённости зависят от контекста, а не предопределены.

²⁵ Атманспахер пишет: «Значение (meaning) как референт – отношение, связывающее ментальный аспект реальности с её физическим аспектом» [Atmanspacher, 2024, p. 13]. «Значение (meaning) как референт (referent) и значение (meaning) как смысл (sense) – реляционные концепты, связывающие физический аспект реальности с ментальным аспектом и оба аспекта с их базисом в психофизически нейтральном» [Atmanspacher, 2024, p. 18]. Значение/смысл (meaning) – «фундаментальное свойство фабрики (fabric) реальности» [Atmanspacher, 2022].

²⁶ Как и Фейнман, Битболь полагает, что квантовая вероятность нарушает закон аддитивности (вероятности не складываются, а интерферируют). С точки зрения альтернативной интерпретации Хренникова, квантовая вероятность аддитивна, но нарушается формула Байеса (см. § 6.2).

Корреляционизм можно трактовать более или менее дефляционно, более или менее метафизически, а также эпистемологически или онтологически, например, как тезис «о неделимой природе мира, его полной неанализируемости как полюса “знающего” и полюса “известного”» [Bitbol, 2024, p.7]. Битбол симпатизирует кьюбизму (QBism), который принимает онтологическую неопределённость. Ранее мы показали, что кьюбизм – антиреалистическая позиция, которая, однако, может быть переинтерпретирована как ККР [Прись, 2023]. По стопам Бенуа ККР отвергает как корреляционизм, так и антикорреляционизм. В первом приближении ККР может быть названа дефляционной позицией, но в отличие от неё признаёт существование самих вещей и возможность их познания.

С Битболом можно согласиться, что неопределённость «возникает из-за неотделимости явления от условий, в которых оно проявляется» [Bitbol, 2024, p. 1], «из-за невозможности полностью контролировать условия, в которых возникает явление, когда вы сами являетесь частью этих условий» [Bitbol, 2024, p. 3]. Вопрос, однако, в том, как понимать эти условия и неотделимость явления от них. Для Канта условия априорны. Для КР это фактические условия; они определяются постфактум и, следовательно, не предопределены: это контекстуальные условия. Неотделимость от них просто означает контекстуальность. Но в таком случае термин «корреляция» может вводить в заблуждение, так как предполагает отношение между чем-то реальным (быть может, неопределённым) и чем-то (быть может, неопределённым) – реальным или реальным в некотором особом смысле (например, субъект/агент-объектная корреляция, не позволяющая отделить объект от субъекта, рассматривать их независимо друг от друга). Корреляция между идеальным и реальным не имеет смысла. Для КР в конечном итоге непредопределённость – непредопределённость применения витгенштейновского правила (в-правила), новой контекстуальной языковой игры (ЯИ). По определению контекст неконтролируем (операционная эпистемология, устанавливающая всегда доступные рефлексии правила, оказывается несостоятельной). Но неконтролируемость контекста совместима с рациональностью, если за неё не принимать интерналистскую рациональность – рациональность, доступную рефлексии.

Для КР квантовая неопределённость является одновременно семантической, эпистемической и онтической, но не онтологической в следующем смысле: КМ в принципе не запрещает детерминистское или статистическое объяснение случайных квантовых событий *post factum* (когда контекст фиксирован и может быть описан), нахождению его причин. Например, мы не можем предсказать, через какую щель прошёл электрон в известном двухщелевом эксперименте. Более того, вопросы о том, через какую щель он прошёл и каким образом он прошёл через две щели, не имеют смысла. Электрон просто проходит через две щели и падает на экран. Если же перед щелью поставить детектор, то можно обнаружить, что электрон прошёл либо через одну щель, либо через другую, а интерференционная картина на экране исчезнет. При этом нельзя сказать, что детектор оказал влияние на электрон. Он просто зафиксировал его поведение в том или ином контексте, тех или иных условиях, которые не контролируемы, но описываемы *post factum*. Если мы установили (в контексте измерения), через какую щель прошёл электрон, мы можем установить причину наблюдаемого события, объяснить его.

КМ совместима как с детерминизмом квантовой реальности, так и с её индетерминизмом, в том смысле что классическая причинная реконструкция *post factum* случайных квантовых событий может оказаться как детерминистской, так и индетерминистской. Нет смысла говорить о реальности как таковой, что она является детерминистской или индетерминистской. Концепт реальности это не предполагает. С точки зрения КР первичен концепт реальности, а не предположение о детерминизме или индетерминизме. Поэтому и в общем случае, а не только в КМ, концептуализация некоторого среза реальности может быть детерминистской или индетерминистской.

Итак, квантовый индетерминизм – это контекстуальность и, как следствие, онтический индетерминизм и эпистемический индетерминизм (непредсказуемость), но не онтологический, то есть не индетерминизм реальности как таковой. Другими словами, характер квантовой реальности определяется характером объяснения квантовых явлений *post factum*. Одно объяснение может оказаться детерминистским, а другое – статистическим. Примером является классический статистический «образ» КМ, предложенный Хренниковым (см. предыдущий параграф, сноска 23. См. также позицию Г. Герман [Прись, 2023, гл. 8, § 10.2, с. 212]). Поэтому мы согласны с Битболом, что «квантовые явления фактически безразличны к постулатам о детерминистском или недетерминистском характере лежащей в их основе реальности. Индетерминированность квантовых явлений недостаточна. Для доказательства какого-либо тезиса о детерминизме или индетерминизме, преобладающем в гипотетической “независимой реальности”» [Bitbol, 2024, p. 6–7].

Исходя из вышесказанного ясно, что принцип (соотношение) неопределённости Гейзенберга, который ещё в англоязычной литературе называют принципом недостоверности (*uncertainty*), можно было бы назвать также принципом контекстуальности. Объяснительный статистический (ин)детерминизм *post factum* (реконструкция события) отличается от индетерминизма как неопределённости, которая предшествует реализации того или иного события. Неопределённость не является внутренне (онтологически) присущей самой природе, но также и не является чисто эпистемической (нашим незнанием того, что есть на самом деле). Квантовая неопределённость – онтическая неопределённость, которая сама неопределённа, то есть зависит от контекста.

Битболь выделяет три смысла квантовой случайности (*randomness*) и, соответственно, вероятности и неопределённости: «Случайный характер процесса может быть конститутивным свойством исследуемой природы; он может обозначать пробел в знаниях исследователя, изучающего этот процесс; или он может возникать из самого процесса (*flow*) исследовательской деятельности. Из этого трио вариантов вытекают три названия знаменитых неравенств Гейзенберга: уравнения неопределённости (природы); принцип недостоверности (*uncertainty*) (познающего субъекта); принцип непредсказуемости (явлений, готовых возникнуть на стыке природы и познающего субъекта)» [Bitbol, 2024, p. 5]. Как и Битболь, КР отвергает первые два смысла. Непредсказуемость КР понимает как неопределённость.

Термины «интерфейсная неопределенность», «неопределенность взаимодействия», «корреляция», которые употребляет Битболь, отражают не неопределённость как контекстуальность в нашем понимании, а, скорее, следующие эпистемологическую и метафизическую её трактовки: «Она [неопределённость] может рассматриваться как выражение случайности, возникающей из необходимого незнания (в отличие от контингентного незнания, которое было отвергнуто), или как сущностно корреляционная форма случайности (в отличие от случайности, относящейся к сущности абсолютной реальности, которая не может быть доказана). Ведь необходимое незнание – это незнание интерактивного процесса, из которого познающий субъект не может себя исключить, а сущностная корреляция – корреляция взаимодействия в потоке изменений, в котором мы не можем сказать, что относится к одному коррелирующему термину, а что к другому» [Bitbol, 2024, p. 7]. КР отказывается от таких трактовок.

Историю физики корреляционистская эпистемология Битболя интерпретирует как расширение применения принципа относительности, при котором сущности или свойства предыдущего этапа развития физики заменяются трансляционными инвариантами, относящимися к более позднему этапу [Bitbol, 2024, p. 2]. Это сближает его позицию со структурным реализмом (см. нашу критику структурного реализма [Прись, 2024]). Мы интерпретировали прогресс физики в терминах обобщения её контекстуальной грамматики, или в-правила [Прись, 2012]. Битболь тоже существенным образом употребляет понятие контекста, но философское понимание этого понятия у него другое²⁷.

9. Релятивизм и контекстуализм

Зачастую не делается различия между контекстуализмом и релятивизмом или же первый принимается за второй, тогда как на самом деле контекстуализм – антитеда против релятивизма. Релятивист утверждает, что истина зависит от контекста, относительна, не абсолютна. При этом релятивист трактует контекст как внешний фактор по отношению к определённому содержанию, которое само по себе ни истинно, ни ложно. Контекстуалист, напротив, утверждает, что контекст – это то, что позволяет определить само содержание, о чём на самом деле идёт речь, не смешивая его с другим содержанием, и, соответственно, определить, что именно истинно или ложно и истинно оно или ложно (всякое содержание, выраженное в виде пропозиции, либо истинно, либо ложно). Но то, что истинно или ложно, для контекстуалиста истинно или ложно абсолютно, не зависит от контекста. Смысл/значение (meaning) есть употребление, определяется лишь

²⁷ Следует различать три уровня понимания контекстуальности: математический, физический и философский. Ни один из них не редуцируется к другому. И в самой философии понимание контекстуальности неоднозначно. О физической и математической контекстуальностях см., например, Budroni C., Cabello A. et al. Kochen-Specker Contextuality (9 Jan 2023) URL: <https://arxiv.org/abs/2102.13036> (date of access: 07.12.2024); Abramsky S., Barbosa R. S. The logic of contextuality (5 Nov 2020) URL: <https://arxiv.org/abs/2011.03064> (date of access: 07.12.2024). Для математика С. Абрамски контекстуальность есть там, где есть совокупность локально непротиворечивых данных, которые глобально противоречивы. Так, в КМ отсутствует глобальное распределение вероятности (см. понятие контекстуальной вероятности у А.Ю. Хренникова выше).

в реальном (следовательно, контекстуальном) употреблении слов и предложений, то есть в рамках (нормативных, контекстуальных) языковых игр, предполагающих ответственное суждение. Ответственность, нормативность и контекстуальность идут рука об руку. Таким образом, для контекстуалиста зависимость значения истинности высказывания (предложения, утверждения, суждения, убеждения, мысли) от контекста не прямая, как это имеет место для релятивиста (в одном контексте предложение истинно, в другом оно же ложно). Оно зависит от контекста, но только потому, что оно зависит от смысла высказывания, который зависит от контекста. Контекстуальный реалист Ж. Бенуа пишет: «С одной стороны, контекстуализм подчеркивает важность контекста для получения настоящих, полнокровных пропозиций (т. е. носителей истины) – или, может быть, более тонко, *развенчивает миф о пропозиции как аконтекстуальном носителе истины*. С другой стороны, “контекст”, как он используется логическим релятивизмом, определяет извне истинностное значение пропозиции, которая должна быть одинаковой в различных контекстах, в которых она оценивается. Этот контекст не влияет на содержание, но исключительно на его истинностное значение. Что предполагает: 1) аконтекстуальную устойчивость пропозиций (или, по крайней мере, что на данном этапе проблемы, связанные с контекстуальностью смысла, уже решены или, так сказать, нейтрализованы), 2) *отсутствие у пропозиции внутреннего истинностного значения* (против Фреге). В этом отношении “контекст высказывания” и “контекст оценки” могут быть не только онтологически разными. Даже когда они просто онтологически одинаковы, их функция в любом случае не одинакова» [Benoist, 2024a, p. 7–8].

Таким образом, содержание, которое релятивист оценивает извне, либо деконтекстуализировано и, таким образом, строго говоря, не является осмысленным содержанием (о чём релятивист забывает), либо рассматривается вне своего первоначального контекста, в котором оно приобрело смысл.

В рамках своего семантического релятивизма, вдохновляющегося семантическим контекстуализмом, Дж. МакФарлайн делает различие между контекстом употребления и контекстом оценки, вводит «индекс оценки» помимо контекстуального индекса. Содержание высказывания определяется в контексте его употребления, а оценивается оно в контексте оценки. При этом одно и то же содержание, фиксируемое в контексте употребления, может быть по-разному оценено в разных оценочных контекстах.

Согласно Бенуа, источник семантического релятивизма МакФарлайна находится, с одной стороны, в семантическом контекстуализме, а с другой – в темпоральной логике А. Прайора, принимающей семантику, которая противоречит семантике Г. Фреге [Benoist, 2024a]. Например, для Фреге содержание высказывания «Идёт дождь» подразумевает момент времени, в который оно делается, внутренний темпоральный индекс. Напротив, с точки зрения темпоральной логики Прайора содержание высказывания не зависит от момента времени, а темпоральный индекс является внешним. Как следствие, истинность высказывания оказывается зависящей от момента времени, в который производится его оценка. Весь вопрос в том, имеет ли эта вообще-то полезная в некоторых отношениях формально-логическая схема философское обоснование, соответствует ли она реаль-

ному употреблению языка, реальным различиям, принимает ли она во внимание эпистемическую ответственность субъекта при оценке истинностного значения высказывания.

Оценочную относительность можно понять в том смысле, что субъекты могут иметь разные (субъективные) стандарты оценки, и, следовательно, каждый в своей оценке может быть прав относительно своего стандарта. Но, с одной стороны, такая относительность является чисто условной и не ведёт к проблеме разногласий, а с другой – в этом случае возникает вопрос об истинных стандартах (если предположить, что существуют привилегированные стандарты, релятивизм исчезает и возникает разногласие относительно выбора стандартов). Сказать, что высказывание истинно относительно некоторого стандарта, и сказать, что оно истинно-относительно-(такого-то, моего, твоего)-стандарта, не одно и то же. Во втором случае само понятие истины деформируется, а стандарты трактуются как равноправные; истина превращается в субъективную (относительную) истину («у каждого своя правда»). В первом случае существование абсолютной истины, то есть истины, соответствующей привилегированному стандарту, можно допустить. Во втором случае понятие абсолютной истины просто элиминируется. Во втором случае субъект вместе со своими субъективными стандартами делается частью контекста, в котором производится оценка. Возможность разногласия исчезает. Речь просто идёт о разных вещах, разных понятиях «истины-для...»²⁸.

Мы критиковали релятивизм, в частности релятивизм Макфарлайна, в одной из наших работ: «Эпистемический релятивизм есть неправильный способ опровержения эпистемического метафизического реализма: последний отвергается в своих собственных рамках. В результате релятивизм оказывается противоречивой позицией. (...) Релятивизм может быть преобразован в витгенштейновский контекстуализм, лишённый недостатков семантического контекстуализма и предполагающий неметафизическую (контекстуальную) онтологическую позицию (без рассмотрения онтологических вопросов невозможно удовлетворительно решить эпистемологические проблемы). В рамках контекстуального подхода в нашем понимании нет необходимости вводить релятивистский “контекст оценки”, как это делает Джон Макфарлайн, а контекст употребления совпадает с контекстом, в котором располагается субъект, которому приписывается знание»²⁹. «У Макфарлайна суждение оценивается в контексте оценки, тогда как у нас оно употребляется в контексте, который в то же время есть и контекст оценки»³⁰.

Эта трактовка согласуется с трактовкой Бенуа, для которого нет такого понятия как «субъективный контекст». Понятие субъективного (приватного) контекста, которое использует релятивист, в том числе и Макфарлайн, противоречиво, так как назначение контекста состоит в том, чтобы сделать идентифицируемые

²⁸ Согласно Г. Фреге, у таких высказываний нет истинностного значения. Предикат «истинно-для...» противоречив (inconsistent).

²⁹ Прись И.Е. Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки» (2018. № 5. С. 1–37). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583770> (дата обращения: 11.10.2024), с. 1.

³⁰ Прись И.Е. Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки» (2018. № 5. С. 1–37). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583770> (дата обращения: 11.10.2024), с. 22.

содержание и истинностное значение публичными, объективными, следовательно, intersубъективными. «Контекст, по сути, – это принцип публичности: то, во что мыслящие люди могут войти или спроецировать себя, а не частный контекст, частью которого был бы я – и никто другой» [Benoist, 2024a, p. 5]. Другими словами, релятивист смешивает субъективный фактор в самой оценке, то есть субъективность того, кто оценивает, субъективность, относящуюся к (субъективному) контексту оценки, и оцениваемую субъективность, субъективный фактор в том, что оценивается. Во втором случае субъективность выступает в роли объекта. В первом случае она субъективно судит об объекте. Обе субъективности могут относиться к одному и тому же человеку. При этом они будут выполнять разные функции в суждении. Принципиальный момент в том, что суждение субъекта, оценка содержания на истинность подразумевают обязательство установить их истинностные значения, то есть подразумевает эпистемическую ответственность, что предполагает публичность, несовместимую с эпистемической субъективностью [Benoist, 2024a, p.10]. Понятие истины, относительной к своей оценке, противоречиво.

Таким образом, семантический релятивизм Макфарлайна – формально-логический подход, игнорирующий эпистемическую ответственность субъекта, оценивающего истинность высказываний. Это разновидность субъективного релятивизма, отвергающего внешние критерии истинности и принимающего, что истинность оценочного суждения в самом этом суждении определяется им самим. Такой подход разрушает саму идею истины.

Контекстуализм, в отличие от субъективизма и релятивизма, понимает эпистемическую субъективность как эпистемическую ответственность, внимание к реальности, восприимчивость как к объективному контексту, то есть контексту высказывания, определяющему его смысл, так и к субъективному контексту – контексту того, кто оценивает высказывание. Это ответственный субъективизм. С точки зрения контекстуализма, оценивающий субъект не внешний фактор по отношению к оцениваемому, а сам вовлечён в конкретную реальную ситуацию оценки и несёт ответственность за свою оценку.

10. О критериях существования/реальности

Контекст можно также определить как структуру ситуации (Е.В. Попов), – это нормативная структура; Д. Андлер пишет о нормативности контекста [Andler, 2000] – или как набор смыслов (В.И. Павлюкевич). Бенуа пишет: «Нет смысла (фр. *signification*) без контекстуальности; но также верно и обратное: нет контекстуальности без смысла» [Benoist, 2011, p. 77–78]. Эти три понятия, которые можно трактовать как эквивалентные, – смысл, контекст и норма (осмысленность, контекстуальность и нормативность), – соединяет в себе понятие языковой игры (ЯИ). ЯИ нормативно структурирована, так как это употребление в-правила (нормы). Такое употребление контекстуально. Также, согласно знаменитому лозунгу, употребление есть смысл (значение). Контекст в более широком смысле – это форма жизни, определяемая своей грамматикой (структурой, нормой) или, что эквивалентно, набором смыслов как языковых игр (ЯИ), связанных между собой семей-

ным сходством. Таким образом, и индивидуальная ЯИ, и форма жизни структурированы, осмысленны, конститутивно нормативны, контекстуальны.

ЯИ, как мы их понимаем, – «игры» в реальности или с реальностью. Реальным ЯИ можно противопоставить ЯИ-фикции, не подразумевающие реальных обязательств, а скорее подразумевающие отсутствие таковых. Таким образом, объекты фикции, в отличие, например, от математических объектов, не особый вид реальности (в рамках фикции), как считают некоторые философы (М. Габриэль и др.); они не реальны. О существовании единорога можно говорить лишь условно, в рамках дискурса, а не как об особом виде реальности. Фикция имеет дело не с реальными референтами, а с референционной способностью. В то же время опосредованно фикция имеет связь с реальностью. Подлинный реализм в том, чтобы понять эту связь.

Мы знаем, что относится к фикции, а что к реальности. У нас есть концепт реальности, который вырабатывается на практике, прежде всего в каждодневном чувственном опыте. В естественных и социогуманитарных науках он получает значительное расширение (например, в физике – в области микромира и макромира). Устоявшиеся и подтвержденные на опыте научные теории дают знание о реальности. Эти теории, то есть их корректное применение, – критерий реальности.

Реально что-то или нет, определяется в контексте: оно реально существует (как реальный объект) в рамках ЯИ (и соответствующей формы жизни), если и только если удовлетворяет своей контекстуальной норме, в-правилу ЯИ (грамматике формы жизни). В то же время реальность не редуцируется к существованию, а концепт существования не редуцируется к концепту реальности. Существование, как мы его определили, – объектное существование. Имеет смысл говорить о реальности, которая не объективирована, не состоит из объектов. Мы также применяем понятие существования, когда говорим о нормах, правилах, смыслах, интенциях и так далее, то есть по отношению к (идеальным (не реальным) объектам, которые тоже контекстуальны.

Таким образом, критерии того или иного существования или той или иной реальности контекстуальны. О (контекстуальных) критериях реальности можно также говорить в том смысле, что в зависимости от контекста на первый взгляд «одно и то же» может быть как реальным, так и идеальным (нормой) или нереальным (видимостью, представлением). Различие между реальным (подлинным) объектом и его представлением зависит от контекста [Benoist, 2010, ch. 2]. «То, что при одних условиях можно было бы принять за реальность самой вещи, при других становится ее представлением» [Benoist, 2011, p. 22]. Различие между (идеальным) концептуальным и реальным, между (идеальной) нормой и (реальным) фактом зависит от контекста (витгенштейновские петлевые предложения гибричны: в зависимости от контекста они могут выражать факты или нормы). Не существует метафизического критерия существования или реальности как таковой. Не существует критерия, который бы раз и навсегда устанавливал, что что-то реально, а что-то нет безотносительно к контексту. Например, видимость не может рассматриваться как абсолютное данное в метафизическом смысле. Существуют случаи видимости видимости; в этих случаях видимость играет

роль реальности, которая ошибочно принимается за то, чем она не является (см. примеры в [Benoist, 2024b; Blackburn, 2021, p. 71]). В духе Канта можно сказать, что существование и реальность (бытие) не реальные предикаты. Они не имеют содержания сами по себе.

В то же время то, что реально в одном контексте, а в другом не реально, в этом другом контексте является уже чем-то другим. Контекст определяет идентичность и, таким образом, реальность или нереальность в абсолютном смысле. Контекстуальный релятивист скажет, что на обыденных масштабах кварки не существуют (как если бы на обыденных масштабах о них имело смысл говорить). Контекстуальный реалист скажет, что на обыденных масштабах понятие кварка не имеет смысла.

Существование различных употреблений слова «реальный» означает не многозначность концепта реальности, а зависимость того, что реально, от контекста и существование различных видов реальности. Сам концепт реальности неизменен и однозначен: реальность просто такова, какова она есть. Конечно, этот концепт (как и многие другие) с развитием человечества обогатился и продолжает обогащаться, поскольку мы узнали о реальности бозона Хиггса и гравитационных волн, о разных ранее неизвестных видах математической, социальной, информационной, цифровой и других реальностей. Что же касается деконтекстуализированных (не концептуализированных, не осмысленных, не объективированных) вещей, то они просто таковы, каковы они есть; это просто «куски» реальности. «То, что не имеет смысла (signification), напротив, не “контекстуально”. Не видно, в каком смысле оно могло бы им быть. Это “вещи, как они есть” – то, что также называют “реальность” на том или ином уровне применения этого термина» [Benoist, 2011, p. 78].

11. Контекст как функциональное понятие

Реальный объект как то, что идентифицируется (имеет идентичность, концептуализировано), предполагает точку зрения, перспективу, в рамках которой он идентифицируется (он не может быть идентифицирован «ниоткуда» или «отовсюду»), и средства, при помощи которых он идентифицируется. Объективизм, то есть редукция реальности к объективности, объектности (реального к (объективно) истинному, познанному), реализма к объективизму, не принимает во внимание укоренённость объекта и средств его идентификации в реальности, контекст, то есть то, что реальный объект является вещью, а средства идентификации имеют реальные условия своего существования и применения. Это может вести к релятивизму, поскольку совместимо с манипуляцией точками зрения, необоснованным (а не аутентичным) плюрализмом «объектов», то есть псевдо-объектов. Релятивизм утверждает, что при замене точки зрения меняется и сам объект (или его свойства), что то, что есть, не абсолютно, а зависит от точки зрения, меняется вместе с ней.

На самом деле без реального основания нет подлинной объективности. Последняя возникает в той или иной ситуации, в реальности. Реальный объект требует реальной, а не произвольной, точки зрения, то есть реальных условий своего существования, своей идентификации (концептуализации). Эти условия и есть

контекст, позволяющий говорить о контекстуальном (а не абсолютном, деконтекстуализированном) объекте, не подверженном релятивистскому подозрению. Контекст выступает в роли реальности, то есть той территории, на (ситуации в) которой происходит идентификация объекта [Cahill (ed.), 2024; Gustafsson, 2024]. Контекст, таким образом, не объект. Не имеет смысла говорить о его существовании или несуществовании³¹. Если контекст становится объектом рассмотрения (в другом контексте), он, по определению, перестаёт быть контекстом. Например, в квантовой механике наблюдатель, то есть контекст наблюдения, если он становится объектом рассмотрения (вместе с системой, которую он наблюдает), перестаёт быть наблюдателем в эпистемологическом смысле, контекстом наблюдения.

Нормативное измерение контекста позволяет его рассматривать как с точки зрения ситуации (реальности), так и с точки зрения условий возможности объекта, как реального, так и идеального (идеального измерения реального объекта). Реальный объект идентифицируется (идеальной) контекстуальной нормой, играющей роль идеального объекта³².

Существование или несуществование некоторого объекта – одна из форм нормативного отношения с реальностью (норма существования может удовлетворяться или нет). Но есть и другие формы. Любое измерение реальности при помощи нормы – нормативное отношение с ней. Оно предполагает контекст.

Первоначально реальность, таким образом, входит в игру, выступает в роли контекста, а не объекта. В результате концептуального «картографирования» реальности в ней возникают реальные и идеальные объекты. В этом смысле реальность как совокупность реальных (познанных) объектов вторична. О первичном и производном смыслах реальности Бенуа пишет: «Только в производном употреблении она может появиться в виде объекта, и, если бы она появлялась только в этом употреблении, она потеряла бы смысл реальности, который прежде всего заключается не в том, чтобы быть тем, что известно, а в том, чтобы быть основанием, на котором, и ситуацией, в которой возможно знание или любое другое отношение» [Benoist, 2024в, р. 14].

Таким образом, контекст не объект, не факт, не событие, не процесс или какая-то другая онтологическая сущность, а то, что делает возможным идентификацию той или иной онтологической сущности. Контекст определяется функционально; это то, что функционирует как контекст. Это нормативный функционализм. Там, где функционирует норма, где измеряется реальность, и, следовательно, возникает смысл, там есть контекст. И только там. Бенуа пишет: «Понятие контекста в сущности функционально: контекст определяется тем, что он функционирует как контекст для определенных идентификаций объектов или любого другого нормирования реальности. Там, где он больше не функционирует, нет никакого контекста, а в лучшем случае есть некоторый факт, что не то же самое. (...) Мы должны признать, что *также и для того, чтобы существовал объект, должно существовать нечто иное, чем объект*, – это именно то, что, в сущности, *есть*. Объект, со своей стороны, является мерой, построенной на том, что есть, ме-

³¹ О реальности нет смысла говорить, что она существует или не существует.

³² Бенуа называет объектом принцип идентификации, то есть то, что мы называем идеальным объектом, а то, что мы называем реальным объектом, он иногда называет вещью.

рой, действие которой, как и любой другой меры, зависит от реальных условий, которые лишь формализм, отличный от объекта (здесь может помочь понятие *ситуации*), позволяет нам понять (*apprehender*)» [Benoist, 2024в, p. 14].

12. Принцип контекста

Бенуа отстаивает «принцип контекста», согласно которому контекст не может рассматриваться как внешнее давление реальности на смысл, он неотделим от (контекстуального) смысла; контекст – само местоположение смысла [Benoist, 2021]. В терминах нашей интерпретации позднего Витгенштейна смысл есть употребление, то есть языковая игра, или контекст [Cahill, 2024; Gustafsson, 2024]. В некотором смысле эту формулировку можно трактовать как тождество, не забывая при этом, что смысл идеален, а то, что идентифицируется в рамках языковой игры, реально.

Представление о том, что смысл создаёт контекст, идеалистично. На самом деле смысл наличествует там и только там, где есть контекст, то есть в контексте. Таким образом, и о контексте можно говорить там и только там, где есть смысл. Смысл производится, и он производится в контексте. Это такое производство, которое не требует ни внешних, ни внутренних усилий, а требует наличия соответствующих реальных условий, контекста. В противном случае смысл окажется псевдосмыслом. Условия смысла – не фиксированные внешние условия, а такие условия, которые не могут быть отделены от того, что они обуславливают.

Пример понимания контекста во внешнем, ограничивающем смысле можно найти у М. Габриэля [Gabriel, 2015; 2016; 2024]. В рамках его онтологии смысловых полей одно и то же высказывание в одном смысловом поле может быть истинным, а в другом ложным, один и тот же объект в одном смысловом поле может существовать, а в другом – нет. Это эпистемологический и онтологический релятивизм³³. С подлинно реалистической точки зрения контекст играет не негативную, ограничивающую, а позитивную, раз(от)граничивающую, идентифицирующую роль. Он определяет то, что может быть истинным или ложным, содержание высказывания. Он является внутренним для того, что он позволяет идентифицировать и как таковой исчезает в результате такой идентификации.

Контекстуализм тесно связан с экстернализмом, как семантическим, так и ментальным. Содержание высказываний, мыслей, ментальных состояний, а также, быть может, сами ментальные состояния, например знание как ментальное состояние, в известном смысле определяются «внешними условиями». Традиционный экстернализм в эпистемологии, философии языка и философии сознания позволил увидеть проблематичность традиционного интернализма, в частности, представления о смысле как самодостаточной сущности, о том, что смысл представляет собой, как критически выражается Бенуа, «государство в государстве»

³³ Для Габриэля быть (реальным), существовать, – это быть (реальным), существовать в смысловом поле; приоритет имеет концепт существования, а не реальности. Реальные (существующие) объекты, таким образом, автоматически наделены смыслом. Реальность оказывается, так сказать, осмысленной в себе. Соответственно, смысл для Габриэля не идеален, а реален. Речь идёт о расширенном, не семантическом понимании смысла (англ. *sense*, нем. *Sinn*). См. критику такого подхода [Benoist, 2024в; 2024г].

или, что ещё хуже, «государство вне государства». Но сам традиционный экстернализм проблематичен, представляет собой обратную сторону интернализма, принимает во внимание лишь минимальное и весьма ограниченное – «внешнее» – понятие контекста.

Наш КР, вдохновляющийся философией позднего Витгенштейна, экстерналистская позиция. Но это нормативный, или контекстуальный, экстернализм, содержащий в себе нормативный, или контекстуальный, интернализм как частный случай. В его рамках традиционная дихотомия интернализма и экстернализма заменяется функциональным дуализмом внутреннего и внешнего. Радикально экстерналистская эпистемология сначала-знания Уильямсона, на наш взгляд, как раз разновидность такого нормативного экстернализма. Бенуа, в свою очередь, вместо «грубого» семантического экстернализма в духе Х. Патнэма принимает форму утончённого интернализма, который не отделяет возникающий смысл от его внешних условий [Benoist, 2024в, р. 19]. Последние, следовательно, уже не могут, строго говоря, рассматриваться как «внешние»: «Дело не в том, что мы не можем выйти из универсума смысла, как хотели бы сказать метафизики интенциональности, а в том, что, скажем так, там, где артикулируется определенный смысл, это происходит потому, что, по определению, условия для его артикуляции соблюдены. В таком случае не имеет смысла делать контекст своего рода внешним условием для смысла. Это опять означало бы разделение того, что не может быть разделено. Контекст – это не то, что может быть дано смыслу “извне”» [Benoist, 2024в, р. 19]. Таким образом, дихотомия внутреннего смысла и внешнего контекста, внешних условий исчезает. Нормативное понятие контекста как раз это и предполагает.

Контекст (реальность) производит смысл, который, в свою очередь, позволяет его понять. Смысл интересен лишь постольку, поскольку он является подлинным, то есть укоренённым в реальности. Именно потому что смысл укоренён в реальности, контексте, который с лёгкостью может быть утерян или измениться (такова нормативная, не объективная, природа контекста), он тоже может быть с лёгкостью утерян. В результате деконтекстуализации возникает бессмыслица (нонсенс) или псевдосмысл. Таким образом, мы не можем, произвольно (субъективно) создать смысл, придать его вещам или, так сказать, присвоить его себе или вещам гарантированным образом. Не существует иммунитета против превращения смысла в бессмыслицу. И его утеря не обязательно зависит от нас³⁴.

Список литературы

- Витгенштейн Л.** Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ, 2010. 250 с.
Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Аст, 2019. 384 с.
Левин М.П., Уильямсон Т. Кант и анализ // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 3. С. 49–73.

³⁴ «Новый реализм» Габриэля, на самом деле представляющий собой разновидность современного идеализма, онтологизирует смысл, трактует его как реальное внутреннее свойство вещей/объектов [Gabriel, 2015; 2016; 2024]. Как следствие, потеря смысла зависит с точки зрения такой позиции не от реальности, а от субъекта, который, так сказать, может ошибиться в смысле. (см. критику Бенуа [Benoist, 2024в; 2024г]).

- Лосский Н.** Обоснование интуитивизма. Пропедевтическая теория знания. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 377 с.
- Прись И. Е.** О смысле принципа соответствия и единства физики // *Analytica*. 2012. № 6. С. 18–35.
- Прись И. Е.** Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». Lambert, 2017. 144 с.
- Прись И. Е.** Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетейя, 2020. 354 с.
- Прись И. Е.** Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб.: Алетейя, 2021. 192 с.
- Прись И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022а. 720 с.
- Прись И. Е.** О квантовой вероятности // *Философия науки*. 2022б. № 3(94). С. 46–65.
- Прись И. Е.** Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
- Прись И. Е.** Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма. М.: Ленанд, 2024а. 280 с.
- Прись И. Е.** Эффективный онтический структурный реализм и контекстуальный реализм // *Философия науки*. 2024б. № 2 (101). С. 69–91.
- Andler D.** The normativity of context // *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 100. P. 273–303.
- Anscombe G.** On brute facts // *Analysis*. 1958. Vol. 18. No. 3. P. 69–72.
- Atmanspacher H.** Determinism is ontic, determinability is epistemic // H. Atmanspacher, R. Bishop (Eds.) *Between Chance and Choice: Interdisciplinary Perspectives on Determinism*. Thorverton, UK: Imprint Academic, 2001. P. 49–74.
- Atmanspacher H., Primas H.** Epistemic and ontic quantum realities // G. Adenier, A.Yu. Khrennikov (Eds.) *Foundations of Probability and Physics*. Melville, NY: AIP, 2005. P. 49–62.
- Atmanspacher H., Rickles D.** *Dual-Aspect monism and the Deep Structure of Meaning*. Routledge, 2022.
- Atmanspacher H.** Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism // *Synthese*. 2024. Vol. 203, No. 1. DOI 10.1007/s11229-023-04449-z
- Benoist J.** *Concepts. Introduction à l'analyse*. Paris: CERF, 2010.
- Benoist J.** *Éléments de philosophie réaliste*. Vrin, 2011.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard University Press, 2021.
- Benoist J.** Assessment-relativity? // *Annals of the Japan Association for Philosophy of Science*. 2024а. Vol. 33. P. 57–68.
- Benoist J.** *Sans anesthésie: La réalité des apparences*. Vrin, 2024б.
- Benoist J.** Préface pour la traduction chinoise de «*Toward a Contextual Realism*». Harvard University Press, 2024в.
- Benoist J.** I can't see the «sense» in this // J. Voosholz (Ed.) *Markus Gabriel's New Realism*. Springer, 2024г. P. 129–145.
- Bitbol M.** Randomness from relationships and interfaces // A. Duprat, A. James (Eds.) *Chance in Theory and Practice. Figures of Chance II*. Routledge, 2024.

- Blackburn S.** Politics, truth, post-truth, and postmodernism // M. Hannon, J. de Ridder (Eds.) *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Routledge, 2021. P. 65–73.
- Cahill K.** (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground*. Palgrave Macmillan, 2024.
- Fairhurst J., Perez-Escobar J. A., Sarikaya D.** Against a global conception of mathematical hinges // *The Philosophical Quarterly*. DOI 10.1093/pq/pqae090
- Gabriel M.** *Fields of sense. A new realist ontology*. Edinburgh University Press, 2015.
- Gabriel M.** *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie*. Suhrkamp, 2016.
- Gabriel M.** *Sense, non-sense and subjectivity*. Harvard University Press, 2024.
- Gustafsson M.** What is a context // K. M. Cahill (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground*. Palgrave Macmillan, 2024. P. 97–117.
- Kant I.** *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998.
- Khrennikov A.** *Contextual approach to quantum formalism*. Springer, 2009.
- Khrennikov A.** *Open quantum systems in biology, cognitive and social sciences*. Springer Cham, 2023.
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford UP, 2002.
- Wittgenstein L.** *Über Gewißheit*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1984.

References

- Andler D.** The normativity of context // *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 100. P. 273–303.
- Anscombe G.** On brute facts // *Analysis*. 1958. Vol. 18. No. 3. P. 69–72.
- Atmanspacher H.** Determinism is ontic, determinability is epistemic // H. Atmanspacher, R. Bishop (Eds.) *Between Chance and Choice: Interdisciplinary Perspectives on Determinism*. Thorverton, UK: Imprint Academic, 2001. P. 49–74.
- Atmanspacher H., Primas H.** Epistemic and ontic quantum realities // G. Adenier, A. Yu. Khrennikov (Eds.) *Foundations of Probability and Physics*. Melville, NY: AIP, 2005. P. 49–62.
- Atmanspacher H., Rickles D.** *Dual-Aspect monism and the Deep Structure of Meaning*. Routledge, 2022.
- Atmanspacher H.** Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism // *Synthese*. 2024. Vol. 203, No. 1. DOI 10.1007/s11229-023-04449-z
- Benoist J.** *Concepts. Introduction à l'analyse*. Paris: CERF, 2010.
- Benoist J.** *Éléments de philosophie réaliste*. Vrin, 2011.
- Benoist J.** *Toward a Contextual Realism*. Harvard University Press, 2021.
- Benoist J.** Assessment-relativity? // *Annals of the Japan Association for Philosophy of Science*. 2024a. Vol. 33. P. 57–68.
- Benoist J.** *Sans anesthésie: La réalité des apparences*. Vrin, 2024b.
- Benoist J.** Préface pour la traduction chinoise de «Toward a Contextual Realism». Harvard University Press, 2024b.
- Benoist J.** I can't see the sense the «sense» in this // J. Voosholz (Ed.) *Markus Gabriel's New Realism*. Springer, 2024r. P. 129–145.

- Bitbol M.** Randomness from relationships and interfaces // A. Duprat, A. James (Eds.) *Chance in Theory and Practice. Figures of Chance II.* Routledge, 2024.
- Blackburn S.** Politics, truth, post-truth, and postmodernism // M. Hannon, J. de Ridder (Eds.) *The Routledge Handbook of Political Epistemology.* Routledge, 2021. P. 65–73.
- Cahill K.** (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground.* Palgrave Macmillan, 2024.
- Fairhurst J., Perez-Escobar J. A., Sarikaya D.** Against a global conception of mathematical hinges // *The Philosophical Quarterly.* DOI 10.1093/pq/pqae090
- Gabriel M.** *Fields of sense. A new realist ontology.* Edinburgh University Press, 2015.
- Gabriel M.** *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie.* Suhrkamp, 2016.
- Gabriel M.** *Sense, non-sense and subjectivity.* Harvard University Press, 2024.
- Gustafsson M.** What is a context // K. Cahill (Ed.) *Wittgenstein on practice. Back to the rough ground.* Palgrave Macmillan, 2024. P. 97–117.
- Kant I.** *Kritik der reinen Vernunft.* Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998.
- Khrennikov A.** *Contextual approach to quantum formalism.* Springer, 2009.
- Khrennikov A.** *Open quantum systems in biology, cognitive and social sciences.* Springer Cham, 2023.
- Levin M. P., Williamson T.** Kant and analysis // *Kantian Journal.* 2023. Vol. 42. No. 3. P. 49–73. (in Russian)
- Lossky N. O.** *Justification of intuitionism. A propaedeutic theory of knowledge.* St.-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908. (in Russian)
- Pris I. E.** On the meaning of the correspondence principle and the unity of physics // *Analytica.* 2012. No. 6. P. 18–35. (in Russian)
- Pris I. E.** *Wittgenstein on knowledge, certainty and hinge propositions.* Lambert, 2017. (in Russian)
- Pris I. E.** *Contextuality of Ontology and Contemporary Physics.* St. Petersburg: Aletheia, 2020. (in Russian)
- Pris I. E.** *Higgs boson, quantum strings and philosophy of physics.* St. Petersburg: Aletheia, 2021a. (in Russian)
- Pris I. E.** *Knowledge in context.* St. Petersburg: Aletheia, 2022a. (in Russian)
- Pris I. E.** On quantum probability // *Filosofia nauki.* 20226. Vol. 94. No. 3. P. 46–65. (in Russian)
- Pris I. E.** *Contextual quantum realism and other interpretations of quantum mechanics.* Moscow: Lenand, 2023. (in Russian)
- Pris I. E.** *Morality, quantum mechanics, religion, technologies, artificial intelligence through the prism of a contextual realism.* Moscow: Lenand, 2024a. (in Russian)
- Pris I. E.** Effective ontic structural realism and contextual realism // *Filosofia nauki.* 20246. Vol. 101. No 2. P. 69–91. (in Russian)
- Williamson T.** *Knowledge and Its Limits.* Oxford: Oxford UP, 2002.
- Wittgenstein L.** *Über Gewißheit.* Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1984.
- Wittgenstein L.** *Culture and value. On certainty.* Moscow: AST, 2010. (in Russian)
- Wittgenstein L.** *Philosophical investigations.* Moscow: AST, 2019. (in Russian)

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук
Ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor E. Pris, Doctor (PhD) in Philosophy, Candidate of Sciences (Theoretical physics)
Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 20.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 27.02.2025*

*The article was submitted 20.12.2024;
approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 27.02.2025*